

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ
ОСНОВЫ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ**

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Судебная психиатрия является прикладной отраслью медицинской науки — психиатрии. Психиатрическая наука в целом и любая из ее отраслей исследуют закономерности возникновения, развития и возможного исхода *психических расстройств*. Деятельность судебного психиатра имеет несколько относительно самостоятельных направлений (осуществление принудительных мер медицинского характера, пени-тенциарная психиатрия). Каждое из них характеризуется своеобразием задач и способов их решения, а также спецификой правовых форм (юридических правил и процедур), в рамках которых эта деятельность осуществляется. Однако именно судебно-психиатрической экспертизе (СПЭ) в наибольшей мере присущи черты, характерные для судебно-психиатрической деятельности вообще и отличающие судебную психиатрию от общей.

Общая психиатрия и ее прикладная отрасль — психиатрия судебная, являясь науками о психических расстройствах, различаются изначально *по целям* изучения названных расстройств. Это различие целей исследования обуславливает также и различие его *предмета*. Судебная психиатрия изучает психические расстройства для оказания содействия правосудию. Она имеет дело с теми психическими расстройствами, с установлением которых в уголовном или гражданском судопроизводстве законодательство связывает наступление специфических правовых последствий (освобождение от уголовной ответственности, применение принудительных мер медицинского характера, признание сделки недействительной и пр.). Таким образом, *предмет судебной психиатрии составляют психические расстройства, имеющие правовое значение в уголовном и гражданском процессе (юридически релевантные психические расстройства)*.

Проблема определения критериев потребности в специальных знаниях требует решения проблемы разграничения обыденного, с одной стороны, правового — с другой, и собственно специального знания, определяющего и пределы компетенции эксперта. Четкое понимание

предметных границ специальных познаний и вытекающего из них объема экспертной компетенции позволяет не только придерживаться допустимых рамок своей деятельности, но и находить области пересечения со смежными сферами знаний и, следовательно, эффективно взаимодействовать в комплексном исследовании, не нарушая пределов собственной компетенции.

В объем понятия «специальные знания» не включаются знания из области права, к которым относятся мотив и цель преступления, вина (форма и степень), юридическая квалификация преступления, достоверность показаний определенных лиц, вид и мера наказания (Алмазов К.Н., 1985). Т.В. Сахнова (2000) в качестве критериев использования специальных знаний указывает:

- на норму права, содержащую специальные элементы в определенной форме;
- уровень развития научных знаний, позволяющий использовать их для практических целей (профессиональной оценки специальных элементов);
- наличие объективной связи между способом применения определенных научных знаний и юридической целью их использования.

Специальные знания — это всегда научные знания неправового характера, сопровождаемые адекватными (признанными) прикладными методиками и используемые для достижения определенных юридических целей. Таким образом, специальные знания — понятие объективное, в связи с чем оценка уровня компетенции эксперта подчиняется довольно строгим правилам.

Понятие «компетенция» имеет два значения: первое — это круг полномочий какого-либо лица; второе — круг вопросов, в которых данное компетентное лицо обладает познаниями и опытом (Локшина С.М., 1985). В целом «специальные знания» — это знания об объектах науки и ее предмете, методике исследования и способе получения результатов, отражающих ее предмет и составляющих суть экспертного вывода.

На основании заключения судебных психиатров, которое подлежит оценке в совокупности с другими доказательствами, суд в рамках уголовного или гражданского судопроизводства принимает процессуальные решения — определение, постановление, выносит приговор. Поскольку в уголовный процесс составной частью входит предварительное расследование, то судебно-психиатрические заключения используются не только судом, но и дознавателем, следователем, руководителем следственного органа и прокурором.

Судебно-психиатрическая экспертиза призвана обеспечить эффективное достижение целей и решение задач, которые поставлены перед

субъектами, осуществляющими правосудие, подчинена этим целям и задачам.

Как и при любом виде судебной экспертизы, назначение, производство экспертного судебно-психиатрического исследования и оценка экспертного заключения регламентируются прежде всего нормами *процессуального законодательства* [Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) и Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ)]. Специальным законодательным актом, определяющим правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности, является Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (Закон о ГСЭД). Он содержит общие нормы, регламентирующие государственную судебно-экспертную деятельность для гражданского, в том числе арбитражного, административного и уголовного видов судопроизводства. Данный закон не дублирует, не заменяет и не поглощает нормы отраслевого процессуального законодательства, выполняя обобщающую, дополняющую и разъясняющую (конкретизирующую) функции. Принятием Закона о ГСЭД в 2001 г. фактически разрозненное правовое регулирование ведомственного плана заменено единым федеральным законодательным регулированием.

Законодательная регламентация задает своеобразие судебно-психиатрической деятельности, в ряде существенных элементов отличающих ее от общепсихиатрической практики.

Так, закон формулирует ряд запрещающих правил, согласно которым эксперт не вправе:

- 1) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования (п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, ч. 2 ст. 85 ГПК РФ); если в ходе проведения экспертизы выявляется необходимость в дополнительных материалах и объектах для исследования, то эксперт правомочен лишь ходатайствовать об их предоставлении перед субъектом, назначившим экспертизу;
- 2) вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела (ч. 2 ст. 85 ГПК РФ); УПК РФ запрещает эксперту «без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы» (п. 1 ч. 4 ст. 57);
- 3) разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с проведением экспертизы, или сообщать кому-либо о результатах экспертизы, за исключением органа, его назначившего (ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, абз. 6 ч. 3 ст. 16 Закона о ГСЭД);

- 4) разглашать данные предварительного расследования, если эксперт был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ (п. 5 ч. 4 ст. 57 Кодекса).

Данные ограничения определяют в том числе возможность использования экспертом только того объема информации, который содержится в передаваемых на исследование объектах. Точно так же эксперт лишается возможности самостоятельного опроса иных лиц для сбора объективного анамнеза, что является распространенной практикой в общей психиатрии.

Одновременно законодательные нормы создают особые гарантии независимости эксперта и объективности экспертного исследования.

В уголовном и гражданском судопроизводстве судебный психиатр — фигура самостоятельная, обладающая профессиональной независимостью, на которую никто не вправе посягать. В качестве эксперта не может выступать лицо, заинтересованное в исходе дела или зависимое от участников процесса. Объективность, беспристрастность и независимость — основополагающие принципы судебно-экспертной деятельности, закрепленные в законе (ст. 7 и 8 Закона о ГСЭД). Только эксперт может решить, какие исследования необходимы для ответа на поставленные перед ним вопросы и какими должны быть ответы. Суд, поручая экспертам производство экспертных исследований, неправомочен оказывать на экспертов ни прямого, ни косвенного воздействия с целью получения желательного для себя результата. В частности, при назначении экспертизы со стороны следователя и суда недопустимы указания эксперту, предreshающие ход предстоящих исследований и их результат.

На психиатра-эксперта нельзя возлагать обязанностей, которые не предусмотрены процессуальным законом и несовместимы со статусом судебного эксперта. Так, закон запрещает допрашивать эксперта по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством экспертизы, если они не относятся к ее предмету (ч. 2 ст. 205 УПК РФ, ч. 3 ст. 31 Закона о ГСЭД). Даже если в ходе СПЭ обвиняемый сообщает экспертам о совершении им деяний, неизвестных пока следствию, следователь не вправе допросить экспертов, чтобы, зафиксировав в протоколе их показания, дополнить ранее предъявленные испытуемому обвинения новыми. Такой допрос неправомерен в силу прямого законодательного запрета, и экспертам надлежит отказаться отвечать на вопросы следователя, сославшись на закон — ч. 2 ст. 205 УПК РФ. Данная норма закона гарантирует возможность соблюдения экспертом этических норм в ходе профессиональной деятельности.

В особенностях действия *этических норм* при осуществлении СПЭ также отражается ее специфичность. Приходится учитывать, что

общепсихиатрическая практика и судебно-психиатрическая экспертиза базируются на различающихся между собой, причем иногда существенно, началах. Психиатрическая помощь оказывается на принципах конфиденциальности, терапевтического сотрудничества, безусловного блага больного. Судопроизводство же строится на началах гласности судебного разбирательства, состязательности сторон. Приоритет здесь отдается достижению целей судопроизводства, в свете чего основная экспертная задача — дать объективное, достоверное, полное и беспристрастное заключение по вопросам, интересующим следствие и суд, при условии, что эти вопросы относятся к профессиональной компетенции психиатра. Принцип гласности рассмотрения дел в суде вступает в противоречие с принципом конфиденциальности отношений между врачом и пациентом. Поскольку конфиденциальная экспертная информация становится предметом рассмотрения в суде, который в большинстве случаев носит гласный и открытый характер, эксперт должен сообщать суду только то, что относится к предмету экспертизы. Причем предметная сфера каждого вида судебной экспертизы есть объективная категория и ограничена вопросами психопатологических состояний и их юридические релевантности. Поэтому эксперту принадлежат юридические (процессуальные) права при определении предмета экспертизы, за пределами которого лежат вопросы, не входящие в круг специальных знаний судебно-психиатрического эксперта и, следовательно, на которые по закону он вправе не отвечать. Из этого вытекает и требование фиксировать в экспертной документации лишь то, что имеет отношение к предмету экспертизы и служит достижению ее целей и задач. В частности, в экспертное заключение недопустимо включать сведения относительно совершения обвиняемым тех уголовно наказуемых деяний, по которым обвинение ему не предъявлялось.

Между тем расхождения между отдельными принципами судопроизводства и организации психиатрической помощи, вытекающие из объективных различий этих видов деятельности, не устраняют того факта, что обе они преследуют нравственно позитивные цели: в конечном итоге в отношении психически больных суд решает те же гуманные задачи, что и психиатр. Поэтому расхождение между нормами процессуального законодательства, регламентирующего порядок производства судебных экспертиз, и традиционными этическими требованиями, предъявляемыми врачу общепсихиатрической практики, не может служить моральным оправданием для судебно-психиатрического эксперта, нарушающего процессуальный закон. В связи с этим важно действие принципа «процессуально-правового нейтралитета», подразумевающего отсутствие у судебно-психиатрического эксперта заинтересованно-

сти в результатах экспертизы и в исходе судебного дела в целом. Кроме того, «процессуальный нейтралитет» предполагает беспристрастное и непредубежденное отношение эксперта ко всем без исключения участникам судопроизводства, независимо от их процессуального положения и личных качеств, от их поведения в ходе проведения экспертизы, от тяжести расследуемого правонарушения и т.д. (Тихоненко В.А., Шишков С.Н., 2000).

Несмотря на то что собственно психиатрическая помощь находится за пределами судебной экспертизы, судебно-психиатрическому эксперту приходится одновременно исполнять две параллельные (непосредственно не пересекающиеся между собой) функции: во-первых, эксперта, решающего судебно-психиатрические вопросы, и, во-вторых, врача, оказывающего пациенту психиатрическую помощь. Последняя осуществляется в строгом соответствии с нормами законодательства о здравоохранении (Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»).

Принятый Пленумом правления Российского общества психиатров 3 октября 2002 г. «Свод этических принципов и правил проведения судебно-психиатрической экспертизы»¹ в концептуальном плане явился успешной попыткой интеграции психиатрической и судебной этики применительно к специфическим условиям профессиональной экспертной деятельности психиатра. Он заложил основательный фундамент для создания непротиворечивой и безупречной морально-ценностной системы взглядов на проблемные ситуации в судебной психиатрии.

Для того чтобы судебная психиатрия обрела собственную «предметность», одних только *функционально-целевых отличий* ее от общей психиатрии недостаточно. Помимо них необходимы также *предметно-содержательные различия* между обеими дисциплинами.

Обе они, изучая одни и те же явления — психические расстройства, используют одинаковые методы психиатрического обследования, диагностики и лечения, единую классификацию психических заболеваний, единые медицинские термины и понятия. Однако предмет СПЭ включает, помимо диагностических задач, также дополнительную судебно-психиатрическую квалификацию, именуемую *судебно-психиатрической оценкой*. Для судебного психиатра диагноз и иные чисто клинические квалификации заболевания, которым страдает подэкспертный, тоже необходимы, но недостаточны. Судебный психиатр должен использовать дополнительные и весьма специфические крите-

¹ См. раздел «Приложения».

рии, которые характеризуют выявленное психопатологическое состояние.

Сам по себе диагноз психического расстройства, установленный гражданину в процессе психиатрического обследования, вообще не является юридически значимым обстоятельством и не влечет наложения на гражданина никаких правовых ограничений (ч. 3 ст. 5 Закона «О психиатрической помощи»). Многие граждане, страдающие психическими расстройствами, не утрачивают, однако, способности к самостоятельному совершению юридических действий. Они могут нести уголовную ответственность и отбывать наказание, совершать сделки, исполнять профессиональные обязанности, давать показания в суде.

Судебно-психиатрические критерии психического расстройства отражают такие его особенности, которые, собственно, и делают его юридически значимым в уголовном и гражданском судопроизводстве, обуславливают специфические правовые последствия. Критерии психических расстройств, по которым производится их судебно-психиатрическая оценка, либо прямо содержатся в законе (в статьях о невменяемости, гражданской недееспособности и т.п.), либо вытекают из его смысла и из характера рассматриваемого судом дела. Для судебно-психиатрической квалификации (оценки) психических расстройств в судебной психиатрии используется группа признаков, именуемых **юридическими (психологическими) критериями**. Например, юридический критерий невменяемости, юридический критерий гражданско-правовой недееспособности.

Традиционная схема построения юридического критерия подразумевает выделение в его структуре интеллектуального («понимать», «осознавать», «воспринимать») признака, охватывающего все многообразие когнитивных психических процессов, и волевого («руководить своими действиями», «осуществлять свои действия», «оказывать сопротивление») признака, адресованного к эмоционально-волевым функциям. При этом психические процессы соотносятся с предметной областью, отражающей содержание и цель конкретной юридически значимой деятельности (дача показаний, заключение сделки и т.д.).

Судебно-психиатрическая экспертиза связана с выполнением целого ряда самостоятельных экспертных заданий. Например, в отношении обвиняемого это оценка вменяемости, уголовно-процессуальной дееспособности, способности к даче показаний, потенциальной опасности, выбор мер медицинского характера. Каждое из них, во-первых, подразумевает особый алгоритм решения, основанный на своей логико-методологической и методической базе. Во-вторых, на каждый из таких вопросов в отношении одного и того же подэкспертного стано-

вятся возможными неоднозначные ответы в силу либо разноуровневых требований к степени сохранности психической деятельности, достаточной для этих различных юридически значимых способностей, либо несовпадения критериев одной правовой категории с другой. Социально значимая активность человека, будь то реализация своих гражданских прав или совершение уголовно наказуемого деяния, регулируется личностными образованиями. Никакие внешние и (или) внутренние причины (факторы) и условия, включая даже выраженные формы психической патологии, не порождают юридически значимого поведения иначе, как только опосредуясь личностью. Экспертный вывод о нарушении (или сохранности) той или иной юридически значимой способности оказывается невыводимым из диагноза психического расстройства. Обоснование ключевого экспертного вывода требует анализа влияния значимых параметров синдрома на осознание и регуляцию деятельности по принятию юридически значимых решений и их реализации на смысловом и целевом уровнях. Поэтому даже самый детальный анализ клинической картины не содержит в непосредственном виде информации об экспертном ответе, достижимом только при ее сопоставлении с юридическим критерием, который является обобщенным выражением существующих представлений о произвольной саморегуляции применительно к конкретной юридически значимой деятельности. Таким образом, категория осознанной саморегуляции приобретает в судебно-психиатрической экспертизе особую роль, по сути, задающую специфику ее предмета. В связи с этим на данном понятии следует остановиться отдельно.

Саморегуляция — фундаментальный психологический конструкт, предполагающий способность к использованию личностью внутренних средств для организации собственной активности, т.е. произвольность, опосредованность поведения. Осознанная произвольная саморегуляция представляет собой системный, многоуровневый иерархически организованный процесс выдвижения субъектом целей, выстраивания последовательности действий по их достижению с учетом внешних и внутренних условий, включающих личностные смыслы и ценности, а также изменения линии поведения при появлении новых обстоятельств или в результате переосмысления ситуации. Саморегуляция не сводима ни к деятельности, ни к индивидуально-психологическим особенностям субъекта, выступая в качестве самостоятельного опосредующего звена между личностью и деятельностью.

В психологии сложилось понимание саморегуляции как многоуровневой и динамической системы психических процессов по инициации, построению, длительному поддержанию и контролю активности,

направленной на достижение принятой субъектом цели. При этом исходными являются представления о человеке как об открытой саморегулирующей системе, а саморегуляции отводится интегративная роль в обеспечении единства интеллекта и аффекта. Развитие осознанной саморегуляции является основным путем становления индивидуальности человека как субъекта, что подразумевает способность осознанно выдвигать цели деятельности и поведения, управлять их достижением, быть при этом инициативным и ответственным: «... субъектность проявляется в первую очередь в самодетерминации, в самостоятельной организации и управлении, то есть, по существу, в осознанной саморегуляции своей деятельности во всех ее содержательных и структурных моментах... именно способность к осознанной саморегуляции и является психологическим критерием человека как субъекта» (Конопкин О.А., 2008).

Приоритет в заслуге четкого системного формулирования объяснительного принципа саморегуляции как циклической организации целенаправленной активности живых систем, корректируемых на основании отрицательных обратных связей, принадлежит Н.А. Бернштейну, заменившему принцип рефлекторной дуги И.П. Павлова принципом рефлекторного кольца и утвердившему концепцию кольцевого контура регуляции построения движений. Занимаясь проблемой механизмов организации движений и действий человека, Н.А. Бернштейн построил теорию и выявил механизмы, а также первые модели саморегуляции на основании принципа обратной связи.

К схеме рефлекторного кольца Н.А. Бернштейна (рис. 1.1), работа которого основана на принципе «сенсорных коррекций» — уточнений, вносимых в двигательные акты сенсорной информацией о ходе движения, отсылают современные представления о расстройстве при психических нарушениях интегративной перцепции (которая является основой одновременно и смыслового восприятия, и тесно связанного с ним построения внутренней, идеаторной модели происходящих событий и планируемых результатов деятельности). В основе многих клинических нарушений лежит как раз утрата восприимчивости к обратной связи от собственных действий и тем самым — утрата способности к самокоррекции. Не случайно еще Б.В. Зейгарник пришла к выводу о решающей роли нарушений саморегуляции в развитии психической патологии¹.

¹ Здесь нельзя не упомянуть суждение В.Х. Кандинского: «Не потому человек находится в состоянии невменяемости, что он болен, но наоборот, тогда-то лишь и можно назвать человека больным, если у него не оказывается полной наличности условий свободного волеопределения, не оказывается *свободы выбора* того или другого образа действия».

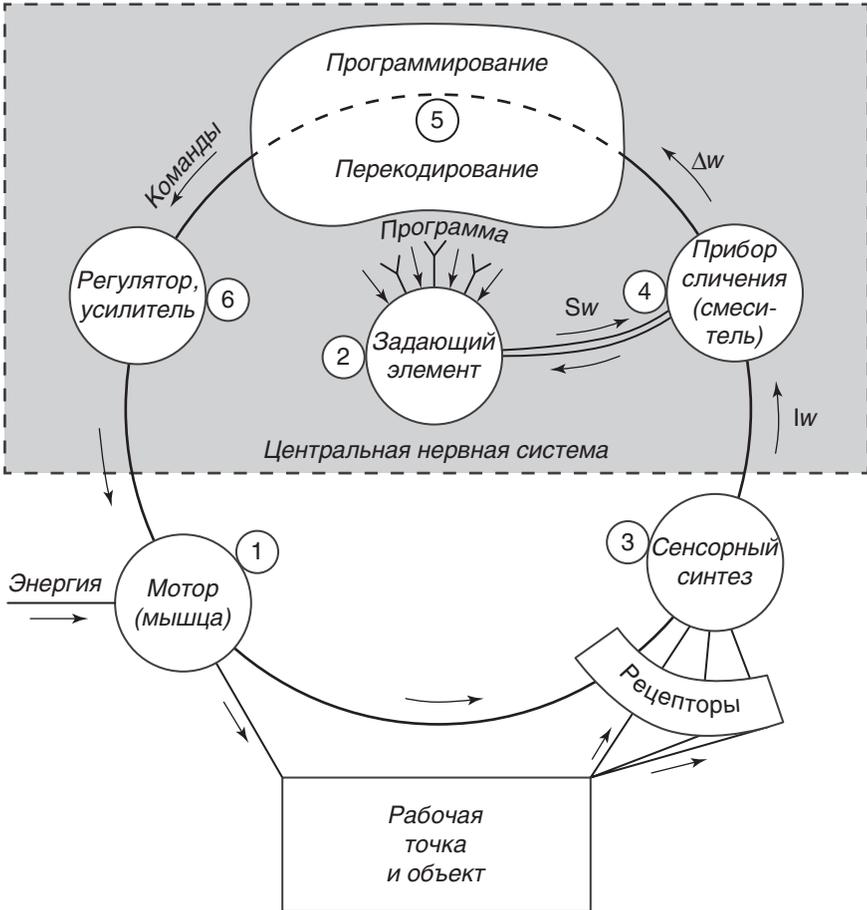

Рис. 1.1. Схема построения саморегулирующихся систем Н.А. Бернштейна

Механизм кольцевого сенсорного корригирования, свойственным саморегулирующимся системам, подчиняется двигательный акт, смысловой по своей природе: при широкой вариативности двигательного состава действий определяющим фактором становится образ (представление) результата действия, на который это действие нацеливается осмыслением возникшей двигательной задачи. «Нигде, кроме смысла двигательной задачи и предвосхищения искомого результата ее решения, мы не найдем другой ведущей инварианты, которая определяла бы от шага к шагу то фиксированную, то перестраиваемую на ходу программу осуществления сенсорных коррекций», — писал Н.А. Берн-

штейн. «Интереснейшим и глубоко загадочным физиологическим объектом» называл он «прибор сличения (смеситель)», обеспечивающий «совершенно своеобразный процесс» сличения и восприятия разницы между текущей рецепцией и внутренним руководящим элементом (представлением), сопоставления со свежим следом предшествующей и опережающей (антиципация) рецепции. Данный принцип оказался справедливым не только для построения движения, но и для исполнительской деятельности в целом: не получающее сенсорной информации изначально или лишенное обратной сенсорной связи действие (а хуже того, действие, получающее в качестве обратной связи искаженную информацию) в значительной степени дезорганизуется.

Именно в таком контексте исследованиями становления познавательных процессов (деятельности) на разных уровнях — от наглядного восприятия до понятийного мышления — оказалось востребованным понятие интенциональности. Так, для Дж. Брунера (1977) интенция предполагает наличие внутреннего импульса в нервной системе, посредством которого начатое действие не только осуществляется в эффекторах обычной последовательностью движений, но и сигнализируется соответствующим сенсорным и координационным системам посредством опережающего разряда возбуждения (эфферентной копии) или внутренней обратной связи, предвосхищающей действие. Невозможно представить себе направленного действия без обратной связи, обеспечиваемой таким предварительным оповещением об интенции, характерным первоначальным «аккомпанементом» которой является ориентировочная реакция, сопровождаемая включением предварительной установки. За первоначальным пробуждением интенции часто следует слабо упорядоченная последовательность соответствующих ей действий, впоследствии повторяемых в определенном порядке с целью достижения заключительного состояния, к которому и направлена данная интенция. Интенциональность опережает навык, возникновение интенции — первая реакция на соответствующий раздражитель, своего рода подготовительная активность, которая впоследствии обеспечивает возможность осуществления приспособительного действия, направленного на предмет. Действия, компоненты навыка, организуются в последовательность под контролем интенции, направленной на предмет. Интенция предшествует действию, направляет его и устанавливает критерий завершения.

Таким образом, вопрос об интенции касается развития произвольной, самостоятельной деятельности и связан с проблемой регуляции предвидимого поведения посредством опережающего возбуждения или предвосхищающих процессов. В развитии опыта три темы являются

центральными: интенция, обратная связь и схемы действия, их опосредующие. При этом первоначальное научение содержит значительный элемент предварительных установок, отражающих типичные для вида генетические инстинкты.

Существенным моментом в регуляции интенциональных действий Дж. Брунер считал возможность сличать задуманное с фактически достигнутым, используя обнаруженное различие, которое и становится исходным для коррекции. В связи с этим он указывал на понятие реафферентации как источника регуляции поведения, восходящее к работам Н.А. Бернштейна. Существует некая «переводящая деятельность», посредством которой данные перцептивно прослеженной задачи преобразуются в исходные условия плана действия. Интенциональные программы формирования действий отличаются исключительной обобщенностью в том смысле, что они способны к изменениям, приспособляясь к широкому диапазону условий, причем интенция остается неизменной, а варьируют средства, используемые для достижения соответствующей цели.

Хотя абстрактное понятие интенции, указывал Дж. Брунер, имеет философское происхождение, однако оно «оказалось необходимым в биологии, независимо от того, как бы мы его ни называли». Данное замечание актуально для раскрытия некоторых понятий, используемых в различных формулах юридических критериев и подразумевающих нарушение произвольности (осознанности) поведения («понимание», «осознание», «значение»).

Ключевое для феноменологической философии Э. Гуссерля понятие **интенциональности** означает порождение и приведение в действие сложно взаимосвязанных структур сознания, благодаря которым объект удерживается во внимании, опознается как тождественный и единый, несмотря на множество переживаний и оттенков. Интенциональность как отношение к смыслам, направленность на осмысленные содержания, обнаруживает близость с категорией личностного смысла. Заключаясь в предметной нацеленности сознания, конституируя предметы как «смысловые единства» (включая ноэзис — осмысливающую интенциональную направленность сознания на объект, ноэму — сам переживаемый объект как носитель смысла), интенциональность выполняет функцию смыслообразования. *Смысл явления выводится из его интенциональной направленности*, т.е. она придает смысл переживаниям, представляя собой процесс осмысления. **Личностный смысл** как пристрастное отношение к объектам и явлениям действительности (Леонтьев А.Н., 1977), в свою очередь, сближается с переживанием в понимании Л.С. Выготского (1934), определявшего его как «внутрен-

нее отношение к тому или иному моменту действительности». А.Н. Леонтьев позднее еще более явно сблизил эти понятия, сказав, что «формы переживания суть формы отражения *отношения субъекта к мотиву*, формы переживания *смысла деятельности*». **Переживание** становится связующим звеном между значением и смыслом: для того чтобы значение стало осмысленным, оно должно быть пережито. Таким образом, обретение нового смысла возможно в деятельности переживания, т.е. работа переживания и состоит как раз в осмыслении (Василюк Ф.Е., 1984). Учитывая, что «всякое переживание есть всегда переживание чего-нибудь» (Выготский Л.С., 1996), оно становится родственным понятиям личностного смысла и интенциональности. Понимание «при внешнем и внутреннем диалоге обеспечивается двумя противоположно направленными процессами — означения смысла и осмысления значений», для иллюстрации такого рода взаимодействия приводится модель ленты Мебиуса (Зинченко В.П., 2010). Смысл должен найти свое понятийное (вербальное) выражение, т.е. значение, которое, в свою очередь, должно быть наделено смыслом. Для осознания значения необходимо выражение его в системе других значений — для Л.С. Выготского синонимом осознанности выступает системность организации значений, возможность переформулировок содержания высказывания, выражения одних значений через другие.

Тем не менее осознанная саморегуляция не подразумевает непрерывную и полную представленность в сознании регуляторных процессов: «...имеется в виду не постоянно актуальная и развернутая осознанность субъектом всех моментов своей регуляторной активности (что, вообще-то, и невозможно), а их принципиальная “подотчетность” сознанию субъекта, доступность сознательному управлению» (Конопкин О.А., 1980). Еще Н.А. Бернштейном было показано, что изначально осознаваемые акты активности могут автоматизироваться и быть представлены в сознании лишь частично. Но, вне зависимости от степени автоматизации навыков, цель активности всегда присутствует в сознании, являясь системообразующей для любого вида поведения и реализующей его функциональной системы психических процессов. Во всех других случаях сознание оперативно: в нем представлены лишь те особенности процесса регуляции и параметры ситуации, которые не могут быть автоматизированы в силу их особой значимости для достижения цели. По мере надобности (при возникновении препятствий), когда необходимо внесение коррекций в процессы регулирования, степень развернутости, представленности в сознании любого из компонентов или средств регулирования может быть повышена. Тем самым активность сознания проявляется в его *избирательности* (Моросано-

ва В.И., 2011). Осознаются процессы представленности личностного «Я» в своих решениях, но не осознаются регулятивные системы, конкретизирующие когнитивные и личностные основания выбора (Корнилова Т.В., 2011).

Важнейшими свойствами сознания являются избирательность и осмысленность. Саморегуляция связана не только с сознательным (осозанным, произвольным) управлением человеком собственными действиями и поступками, но и с субъективной активностью познавательных процессов (восприятия и мышления): человек видит то, что имеет для него смысл и ценность, по мысли Л.С. Выготского, если бы человек видел все то, «что есть», он бы не видел ничего, другими словами, вся психика представляет собой уникальный, нигде более не встречающийся по своей мощности и сложности «орган отбора», «решето, процеживающее мир» (Выготский Л.С., 1982). В связи с этим столь востребованными оказываются категории «значение», «смысл», «ценность», без которых невозможно понимание механизмов избирательности познавательного взаимодействия с объективной реальностью. По выражению В.Е. Ключко (2011), человек не превращается в «познавательную машину», которая познает все подряд, парадоксальным образом отношению к отражаемому (познаваемому) оказывается изначально включенным в акт отражения, причем в определенном плане отношение опережает отражение, иницируя и направляя его, о чем свидетельствовали открытие эмоционального предвосхищения в регуляции мыслительной деятельности, обнаружение ценностно-смысловых измерений ситуации деятельности. С этой точки зрения смыслы и ценности являются особыми (сверхчувственными, системными) качествами предметов и явлений, образующими условия деятельности. По мысли Л.С. Выготского, положительная роль психики заключается не в отражении мира, а в том, чтобы «субъективно исказить действительность в пользу организма», поскольку только при таком «искажении» человек получает возможность действовать осмысленно и ответственно. Поэтому деятельность определяется не личностью или ситуацией как таковыми, а многогранными и нелинейными процессами их взаимодействия, т.е. среда и ситуация должны рассматриваться не как детерминанты, а как пространство возможностей.

Принципиальная осознаваемость психической саморегуляции человека отличает ее высший уровень от саморегуляции животного. Именно осознанная саморегуляция является основой субъектности человека: «Приставка “само-” к термину “регуляция” отражает не только факт осознания субъектом осуществляемых им актов своей произвольной активности и целенаправленное управление ими, но и определение

самим субъектом как объективных предметных, рационально-логических, так и личностно-ценностных оснований отдельных деятельностных актов и их соотнесение и согласование с контекстом целостной системы своих стержневых личностных потребностей и ценностей, смысловых установок и убеждений, с содержанием самосознания» (Конопкин О.А., 2007). По сути, развитие индивидуальности как субъекта — это развитие целостной системы саморегуляции — сначала произвольной, а затем осознанной.

Тем не менее даже найденный смысл неуловим в качестве вербализуемого переживания, поскольку тут же переливается в операциональное, перцептивное, а затем и в вербальное значение, в значение совершающихся актов поведения и деятельности. Не случайно уже А.Н. Леонтьевым понятие смысла было десемантизировано, вынесено за пределы контекста речевого мышления и вообще сознания в плоскость дорефлексивных практических отношений субъекта с миром. В связи с этим показательны сближения понятия личностного смысла с некоторыми категориями, предложенными позднее, однако описываемыми ту же психологическую реальность. Одна из них — это «**чувствуемый**» *смысл* (Gendlin, 1962, 1981) — непосредственно и телесно ощущаемый («чуять нутром») компонент переживания, задействованный в процессе порождения осмысленного высказывания («означивания») наряду с его референтом и понятием как обобщенного представления о предмете. Он имеет *предпороговый статус*, носит *предконцептуальный, дологический характер*, возникает в *пограничной зоне между сознанием и бессознательным*.

Другой круг перекликающихся представлений связан с выделением **семантического слоя субъективного опыта** (Артемьева Е.Ю., 1999) — структурированной совокупности отношений к актуально воспринимаемым объектам, следов деятельностей, зафиксированных в виде отношения к предметам, объектам манипуляции, явлениям, ситуациям и условиям этих деятельностей. Согласно этим представлениям, существуют *механизмы опознания и сопоставления объектов по их смысловой характеристике — семантическим кодам, имеющим амодальную природу и легко проецируемым на семантики любой модальности*. При встрече с объектом прежде всего актуализируется его недифференцированный смысл, согласно которому настраиваются сенсорные системы, осуществляющие на следующем этапе перцептивную обработку стимула.

В данном контексте наглядным является следующий пример, приводимый В.П. Зинченко. Когда профессионального шахматиста-гроссмейстера попросили запомнить фигуры и их расположение, показав ему на 0,5 с сложную шахматную позицию, он ответил: «Я не запомнил

ни того ни другого, но могу сказать, что позиция белых слабее». Это как раз пример извлечения смысла ситуации без кропотливого анализа значений.

«Внутреннее действие» (исполнительное, речевое, перцептивное, внутреннее) или «действие во внутреннем плане» (действие до действия) связано с приведением соответствующих систем (виртуальных функциональных органов, в терминологии Н.А. Бернштейна) в динамическое состояние готовности к выполнению действий. При этом образ, слово и действие оказываются связанными друг с другом посредством смысловых систем, или, по выражению В.П. Зинченко, между ними устанавливаются отношения по типу смыслового резонанса. Для Л.С. Выготского сознание — это «динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов». Это наполнение действия когнитивными, аффективно-смысловыми образованиями позволяет рассматривать его не только как внешнее, но и как внутреннее, представляющее собой динамический осмысленный образ, а не просто орудие осуществления намерения. Что касается действия свободного, то в основе его возникновения лежит развитие знаково-символической деятельности: «Действие человека, возникшее в процессе культурно-исторического развития поведения, есть свободное действие, т.е. независимое от непосредственно действующей потребности и непосредственно воспринимаемой ситуации, действие, направленное в будущее». С помощью речи эта свобода действия достигается путем создания «рядом с пространственным полем также и временного поля для действия», когда будущее поле действия из абстрактной вербальной формулы превращается в актуальную оптическую ситуацию: «...в нем, как основная конфигурация, отчетливо выступают все элементы, входящие в план будущего действия, выделяясь тем самым из общего фона возможных действий... поле внимания, не совпадающее с полем восприятия, с помощью речи отбирает из последнего элементы актуального *будущего поля*», в чем и заключается специфическое отличие человеческого поведения от поведения высших животных.

Выбор субъекта в той или иной ситуации не определен его изначальными диспозициями, предпочтениями и т.д., наоборот, актуально совершаемый выбор определяет, каким становится субъект в результате его осуществления. Как пишет в этой связи Д.А. Леонтьев (2011), тезисы «существование предшествует сущности» (Сартр Ж.-П.), «деятельность порождает психику» (Леонтьев А.Н.) и «функция рождает орган» (Бернштейн Н.А.) — это три разные формулировки одной и той же идеи.

Рассмотрение когнитивного и личностно-эмоционального как обособленных компонентов в процессе выбора (принятия решения) невозможно. Исследование процессов смыслообразования при личностном выборе не может исключать предположение о человеке думающем, точно так же как модели, реконструирующие когнитивную регуляцию принятия решения, не должны выносить за скобки личностные факторы как отклоняющие решения от оптимальных стратегий. Поэтому отдельным фокусом саморегуляции становится интеллектуально-личностное опосредование выбора. Опосредованный мыслью человека (и в этом смысле рациональный) выбор должен рассматриваться в том числе и как личностный, поскольку при любом выборе актуализируется система опосредующих его личностно-мотивационных процессов, иерархии которых выступают новообразованиями, возникающими в ходе его смысловой регуляции (Корнилова Т.В., Тихомиров О.К., 1990). При этом когнитивно-мотивационные основания оценки альтернатив при выборе включены в целостные иерархии, где структурирующую функцию выполняет *самосознание личности*. Именно личность приемлет или не приемлет ту или иную направленность решения и отвечает за выбор как минимум перед собой (Корнилова Т.В., 2011). Тем самым утверждается идея единства аффекта и интеллекта, поскольку речь идет о смысловых полях, в которых мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы сознания (Выготский Л.С., 1982); таким образом, единица саморегуляции может быть только комплексной по своему составу и предполагать взаимодействие процессов, относимых к сферам познания и личности. Однако говорить о личностных уровнях саморегуляции безотносительно к уровню личностных ценностей или образуемых личностью смыслов невозможно. Здесь становится возможным понимание активности субъекта как функционально опережающей развертывание деятельностных структур. Выбор как решение — это процесс примеривания альтернатив к своему личностному «Я», в связи с чем понятна ведущая роль смыслообразования в личностной регуляции выбора и поступка (Корнилова Т.В., 2003, 2011).

Личностный смысл объектов и явлений действительности — это характеристика, которую они приобретают, будучи презентированы субъекту в образе (Петренко В.Ф.). Построение сознательного образа представляет собой выполнение перцептивных действий, материалом которых служит чувственная ткань образа. Наглядный образ (представление, впечатление) — форма чувственной данности мира (чувственная ткань сознания), которая является звеном, связующим субъект с внешним миром. Тем самым происходит развертывание смысла в образы. Именно в пространстве интегрального образа мира (ситуации) проис-

ходят осмысление ситуации и принятие решения, т.е. образ выполняет регулирующую роль. Но после принятия решения начинается декомпозиция образа, что необходимо для успешной реализации решения. Образ ситуации не просто распадается, а трансформируется в образ действия (Зинченко В.П.).

Согласно современным взглядам, выделяются мотивационный (смысловой) и операционально-технический уровни саморегуляции, существующие в строгой иерархической взаимосвязи. **Высший мотивационный (смысловой)** связан с содержанием деятельности и организацией общей ее направленности, пронизывая все уровни деятельности. Смысловой уровень регуляции предполагает участие в целеполагании высших ценностей личности, понимание социального значения своих действий, рефлексии преодолеваемых барьеров (запретов), что делает выбор поведения свободным. Личностно-смысловой уровень ответственен за производство смысловых ориентаций, на *целевом уровне* осуществляется построение адекватных способов реализации смысловых устремлений. Оценка смыслового уровня регуляции исходит из понимания смысловых образований как отношения мотива более общего к связанному с ним мотивам менее общим. Смысловые образования, регулирующие принятие решения о юридически значимом действии, эксперту необходимо сопоставить с устойчивой смысловой сферой личности. Основой такого сопоставления является сформулированное К. Ясперсом «понимание психической жизни изнутри». Применительно к задачам экспертного исследования это означает необходимость понимания принятого юридически значимого решения как выводимого из устойчивой иерархизированной системы смысловых образований подэкспертного.

Операционально-технический (этапы целеполагания и целедостижения) уровень отражает формальную организацию действия и включает такие звенья, как планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов своих действий и их коррекцию (Братусь Б.С., 1988). С этой точки зрения любой юридический критерий может быть раскрыт через две фундаментальные характеристики деятельности — предметности и осмысленности, которым соответствуют и две формы ее регуляции:

- а) интенциональной стороне деятельности (связанной со смысловым содержанием) соответствует смысловая регуляция — согласование целей и средств деятельности с мотивами, потребностями, ценностями и установками;
- б) операциональной (целевой) стороне соответствует предметная регуляция — обеспечение адекватности операциональных характеристик деятельности особенностям ее предмета (объекта).

Целевой уровень регуляции включает формирование цели деятельности (целеполагание), состоящее из представления о задаче, мотива деятельности, осознания и удержания в памяти альтернатив решения задачи, выбора из альтернатив, прогноза последствий этого выбора, а также целедостижение, включающее собственно ряд действий по достижению цели, оценку результатов действий, а при необходимости — их коррекцию (рис. 1.2). Критичность обеспечивает соотнесение различных звеньев регуляции между собой.

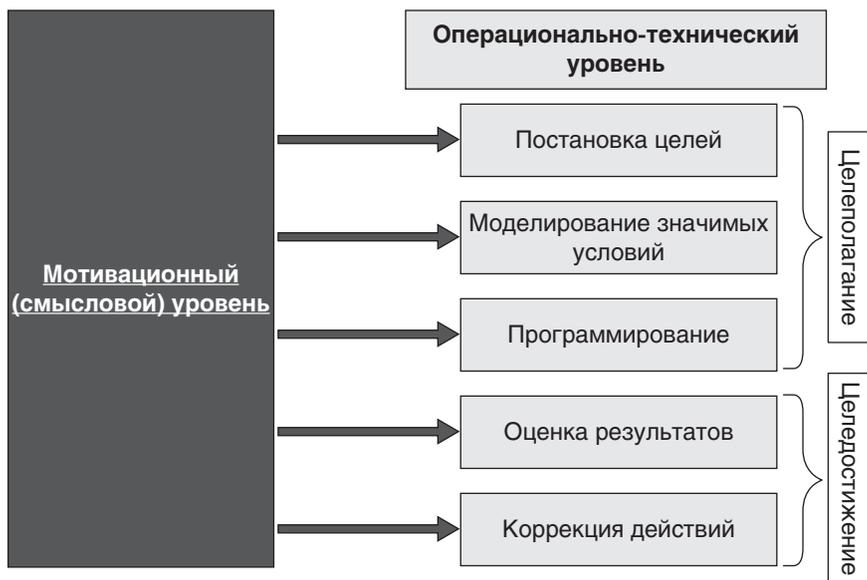

Рис. 1.2. Уровни осознанной саморегуляции

Операционно-технический уровень саморегуляции описывается структурно-функциональной моделью, предложенной О.А. Конопкиным (1980). На этом уровне осознанная саморегуляция понимается как системно организованный психический процесс по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которая направлена на достижение принимаемых субъектом целей. Саморегуляция рассматривается как сугубо внутренняя психическая активность, в которой используются только психологические средства. Процесс саморегуляции представляет собой целостную, замкнутую (кольцевую) по структуре информационную систему, реализуемую взаимодействием следующих функциональных звеньев.